

СОЦИОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2014.02.021. МЕЛОНИ М. БИОЛОГИЯ БЕЗ БИОЛОГИЗМА: СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В ПОСТГЕНОМНУЮ ЭРУ¹.

MELONI M. Biology without biologism: Social theory in a postgenomic age // *Sociology*. – Oxford, 2013. – Oct. 31. – Mode of access: <http://soc.sagepub.com/content/early/2013/11/08/0038038513501944.full.pdf+html>

Маурицио Мелони (Ноттингемский университет, Великобритания) анализирует текущее состояние и перспективы внедрения в социологию биологического знания. С одной стороны, полагает исследователь, использование понятия «биологическое» в социальных науках либо недостаточно, либо не отвечает современным достижениям биологии; с другой стороны, имеющиеся социобиологические концепции зачастую основаны на некритичном переносе биологии в социальную теорию. В связи с этим актуальной проблемой современного развития социальных наук является пересмотр границ между биологией и социологией.

Мелони приводит три примера, свидетельствующих о тесной взаимосвязи биологии и социологии в последние десятилетия. Во-первых, характерная для 1970-х годов эгоистическая позиция² постепенно сменилась более просоциальным взглядом на эволюцию. Социальные науки смогли представить иной взгляд на соотношение альтруизма и биологии, в котором «альтруистическое поведе-

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма (в приложении к российским сообществам)», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00381а).

² Образцом данной позиции является известная работа Ричарда Докинза «Эгоистичный ген». См.: Dawkins R. *The selfish gene*. – Oxford: Oxford univ. press, 1976. – *Прим. реф.*

ние рассматривается как составная часть биологических / социальных фактов» [с. 2]. Таким образом социологи смогли освободиться от «малопривлекательной альтернативы»: либо представлять человеческое поведение изолировано от биологии, либо изображать его полностью зависимым от «эгоистичного гена». Во-вторых, нейробиология больше не рассматривает мозг в виде изолированной машины для обработки данных. Выбор был сделан в пользу многомерной модели, учитывающей влияние со стороны внешних социальных факторов. В-третьих, указывает Мелони, набирающая популярность молекулярная эпигенетика способна окончательно утвердить неразрывную связь биологического и социального. Эпигенетика исследует молекулярные механизмы регуляции гена, которые преобразуют социальную информацию и информацию, полученную из окружающей среды, на генетическом уровне, не затрагивая последовательности ДНК [с. 2]. Иными словами, эпигенетика способна показать, как генетическая информация изменяется под воздействием социальных и экологических факторов (как социальное преобразуется в биологическое). Таким образом, постепенно, полагает автор, возрастающая «социализация» биологических явлений приведет к исчезновению дихотомии природа / воспитание. Все это дает основание говорить о начале новой постгеномной эры в науке.

Представляя краткий исторический обзор отношений между биологией и социологией, автор указывает на отчетливые циклы: от сближения до отторжения. Так, если Конт и Спенсер придавали биологии очень большое значение, то Вебер и Дюркгейм демонстрировали явный антибиологизм. Мелони подробно останавливается на современных научных тенденциях, формирующих междисциплинарную область социобиологии. Первые два направления представляют блок идей, сфокусированных вокруг достижений нейронауки (Д. Фрэнкс, С. Тёрнер); два вторых касаются применения в социальных науках эволюционной теории (А. Месоуди, У. Рансимен).

Нейросоциология (Дэвид Фрэнкс). Термин «нейросоциология» появился в 1970-е годы в связи с исследованиями изменений областей мозга под воздействием различных культурных и экологических факторов. В работах американского социолога Д. Фрэнкса нейросоциология приобретает более широкий смысл, вклю-

чающий в себя попытку понять, передать и сформулировать концепты социологической традиции на основе современной нейронауки¹. Мелони считает, что из всех проектов, стремящихся использовать потенциал наук о жизни, нейросоциология стоит ближе всех к созданию «материально-телесной» социологии, поскольку она изначально задумана как нейробиологическая модификация социологической теории. Например, символический интеракционизм может быть представлен через устойчивую связь символических процессов с мозговой деятельностью. Хотя представители нейросоциологии отвергают редукционизм, не сводя работу интеллекта только к мозговым процессам, они считают, что выводы нейронауки менее спорны и более релевантны, чем обобщения наук об обществе и культуре [с. 5–6].

Социальная теория как когнитивная нейронаука (Стивен Тёрнер). Американский социолог С. Тёрнер выступает с более радикальной позиции, чем представители нейросоциологии. Тёрнер полагает, что существуют серьезные расхождения между новейшими открытиями в когнитивной нейронауке и базовыми идеями социологической традиции, поэтому, если социология стремится оставаться научно обоснованной сферой деятельности, она должна приспособливаться к реальности когнитивной нейронауки². Таким образом, по мнению Тёрнера, социология должна произвести тотальную трансформацию своих фундаментальных основ, поставив во главу угла идею о том, что любое понятие социальной теории должно быть сформулировано с учетом привязки к особенностям мозговой деятельности [с. 6–7].

Дарвинизация социальных наук (Алекс Месоуди). По мнению А. Месоуди, культура развивается по эволюционным законам, поэтому для ее анализа применимы методы и подходы, используемые в эволюционной биологии со времен Дарвина³. Хотя такой подход уязвим для критики по многим направлениям, Мелони отмечает,

¹ См., например: Franks D.D. *Neurosociology: The nexus between neuroscience and social psychology*. – N.Y.: Springer, 2010.

² Turner S. *Brains / practices / relativism: Social theory after cognitive science*. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2002. – P. 20.

³ Mesoudi A., Whiten A., Laland K.N. *Towards a unified science of cultural evolution // Behavioral a. brain sciences*. – Cambridge, 2006. – Vol. 29, N 4. – P. 329–347.

что Месоуди стоит в стороне от наивной веры в линейный прогресс эволюционной социологии образца XIX в. и догматики неodarвинистской социобиологии и меметики¹, поэтому его идеи синтеза социологии и биологии могут быть осмыслены в рамках создания новой междисциплинарной области.

Селекционистская социология (Уолтер Рансимен). Проект селекционистской социологии Рансимена основан на предположении о том, что социальная эволюция строится по аналогии с естественным отбором. Методологически неodarвинистская парадигма Рансимена формируется исходя из классификации человеческого поведения по трем категориям: биологически побуждаемое, культурно приобретенное, социально установленное². Такая модель дает социобиологу возможность анализировать социальные и культурные феномены с точки зрения одновременного действия естественного, культурного и социального отбора без редукции одного уровня на другом [с. 9]. При этом социологические понятия (например, такие, как «западное мышление», «коллективное сознание»), по мнению Рансимена, должны быть сформулированы с учетом поддающихся идентификации мемов, оказывающих влияние на ход культурной и социальной эволюции.

Во всех рассмотренных автором проектах четко проявляется тенденция не ставить под сомнение дисциплинарный статус самой биологической науки при ее импортировании в социальную теорию [с. 10]. Другими словами, социобиологи полностью уверены в правоте неodarвинистских положений для социального мира, поэтому они готовы просто скопировать положения биологии и перенести их в социологию. Но современные дискуссии в биологии не демонстрируют столь явной идеализации эволюционной теории, развиваясь в сторону признания активной, а не пассивной роли организма в происходящих изменениях.

В связи с этим Мелони призывает уйти от биологии как дисциплинарного поля к биологии как концепту [с. 11]. Исследователь

¹ Под меметикой понимается направление, изучающее эволюционные модели передачи информации посредством *мемов* – единиц культурной информации (по аналогии с генетикой, где единицей передачи информации выступает ген). – *Прим. редф.*

² Runciman W.G. The theory of cultural and social selection. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009.

выступает против позиции, согласно которой взаимосвязь между социальными и биологическими факторами строится по иерархическому принципу, когда действия тех или иных поступков пытаются найти, «спустившись» на более фундаментальный биологический уровень. В социальных науках должна быть создана фундаментальная модель биологии, в рамках которой будет возможен синтез двух дисциплин. При этом связь между двумя категориями должна быть двунаправленной и взаимообуславливающей: генетическая природа не должна исследоваться независимо от окружающей (в том числе социальной) среды, а окружающая среда – независимо от генов.

Разработка данной модели знаменует начало нового постгенетического этапа во взаимодействии социологии и биологии. Неслучайно популярность приобрела эпигенетика, которая учитывает внешние условия существования генов. С точки зрения эпигенетики генное проявление предопределяется механизмами, которые зависят от социального опыта и факторов окружающей среды, таких как взаимодействие «родитель – потомок», питание, подверженность стрессу [с. 12]. Эпигенетический подход имеет предпосылки разрешения дихотомии биологически предписанное / социально приобретенное, устанавливая «обратную связь» между внутренним строением организма и внешними условиями среды. На первый взгляд, заключает автор, представленный проект может показаться слишком амбициозным, но перспектива пребывания в ловушке постоянных колебаний между некритическим импортом и пренебрежительным отказом от биологического знания в социальную сферу выглядит еще более бесплодной.

А.Ю. Долгов